

Ольга ШОРИНА

СЕРАЯ ТЕТРАДЬ

"Обрушенная жизнь", третий дневник

16+

Ольга Евгеньевна Шорина
Серая тетрадь
Серия «Разноцветные
тетрадки», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48693864

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-08474-2

Аннотация

"В то время и нормальным-то людям работы не доставалось, ни то что всякой сволочи, которой во все времена априори является молодёжь", – напишет Алина Подсолнухова в своём дневнике 20 лет спустя. Самая остросюжетная "тетрадь" из "романа в дневниках" "Обрушенная жизнь". В качестве иллюстраций использованы два фото из личного архива автора книги.

Содержание

Запись на обложке	5
1 февраля 1999, понедельник	6
2 февраля 1999, вторник	7
3 февраля 1999, среда	9
4 февраля 1999, четверг	10
7 февраля 1999, воскресенье	12
8 февраля 1999, понедельник	13
9 февраля 1999, вторник	17
10 февраля 1999, среда	18
11 февраля 1999, четверг (ночь)	21
11 февраля 1999, четверг (вечер)	22
12 февраля 1999, пятница	24
13 февраля 1999, суббота	25
14 февраля 1999, воскресенье	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ольга Шорина

Серая тетрадь

Светлой памяти Сергея Филимоновича Глазунова (26.12.1949 – 09.03.2007), русского, советского и российско-го журналиста-пахаря, основателя и главного редактора газеты «Опасная ставка» (1995 – 2001), где и были в своё время опубликованы некоторые фрагменты «разноцветных тетрадей».

*Когда ты стоишь у голодной стены,
Когда вместо солнца сверкает петля.
Когда ты увидишь в своих глазах ночь,
Когда твои руки готовы к беде.
Юрий Шевчук,
«Предчувствие гражданской войны».*

Запись на обложке

Я находилась в организации с синими, облупившимися стенами. И вдруг у меня началась рвота! За какие-то несколько минут из глотки вышел весь мой желудочно-кишечный тракт, а самым последним – кишечник в вишнёвой венозной крови. И я подумала: как же я теперь смогу жить без своей пищеварительной системы?

...Я проснулась. Какие же страшные у меня сны, – как и моя жизнь! Когда я оканчивала школу, то говорила себе перед засыпанием: пусть мне сегодня приснится что-нибудь ужасное, чтобы проснуться, понять, что это сон и обрадоваться!

1 февраля 1999, понедельник

Первый месяц года – всё! Ушёл в историю «сказочный месяц» январь. «Мы теряем лета наши, как звук».¹

Я начинаю очередную тетрадь. Я накупила их ещё в 1992 году в «Детском мире». «Канцелярский маньяк», говорила про меня Ириночка, эта благовоспитанная хамка.

А я просто, как и граф Алексей Николаевич Толстой, «люблю тетради».²

¹ Псалом 89 (89:9), «молитва Моисея, человека Божьего». Это единственная молитва боговидца Моисея, включённая в Псалтырь («книгу песен Господних»), написанная пророком на склоне жизни, после выхода из сложных жизненных ситуаций при поддержке Господа. Исследователи же Писания так и не нашли причину, лёгшую в основу уникального псалма.

² «Я любил тетради, чернила, перья...»

2 февраля 1999, вторник

Одиннадцать часов утра. Я сижу дома и рыдаю от горя и обиды. Я не смогла попасть к себе на работу, и это так гадко, так унижительно! Когда есть уберменши, а ты – унтерменш!³

Ключи у меня отобрали перед самым Новым годом. Это всё из-за Летовой-старшей, да ещё и так совпало, что трёх ключей из комплекта на пятерых не хватало!

Гончарова сегодня не пришла, Шуткин на «совещании по химзаводу», Михаил Викторович ещё не приехал с работы, Лепёшка Коровья приползает (а точнее, *притекает*) обычно после обеда. Но я же не могу каждый раз бегать туда, как сучка!

И я поехала к Римме, родственнице.

Мой родной отец живёт в Мамонтовке, а Римма в Правде. Его адрес я знаю из судебных документов по разделу алиментов, её – из маминой красной записной книжки 70-80-х годов, где ничего нового так и не появляется.

Римма с моим отцом также не общаются.

Я ей, конечно, не нужна, хотя и больно это признать. Я утешаюсь, что мы видимся тайно.

Но вот я приехала, и Римма оказалась дома. Она работает в совхозе сменами. Я считала – потом сбилась.

³ Унтерменш – недочеловек; уберменш – сверхчеловек; терминология фашистской Германии.

– У меня телефон появился! – похвасталась я.

У Риммы голова – совершеннейшее сито. Я ведь ей и в письме отправляла, и на картонке писала, когда в конце года приезжала, а её не было, – ничего не помнит!

– Сейчас я запишу своей рукой, – и Римма вытаскивает с книжной полки толстенную, чёрную записную книжку. – Вот, моему Серенькому подарили. Я в неё теперь буду записывать только тех, кто нравится. Так, на букву «П»...

И я продиктовала свой служебный телефон.

– А то будем мы с Сереньким расписываться, – вдруг мне свидетель понадобится?! Так я тебе и позвоню! Потом зайдём сюда, винца выпьем...

– Рим, я только по будням могу.

– Так это, Алин, не скоро, ещё не скоро! Сначала надо свечки в Сергиевом Посаде поставить и за себя, и за Серёжку! Нам же сделали!

3 февраля 1999, среда

На работу сегодня не пошла. Меня выживают, ясное дело.

Поехала на Ивантеевку. Обошлось без покупки билета, хотя молодая, красивая девушка-кондуктор и смотрела на меня укоризненно. Добралась до Переезда, побродила там в снегах, а обратно пошла пешком.

Очень это тяжело, по кромке страшной дороги. А небо серое, низкое.

4 февраля 1999, четверг

С утра Михаил Викторович с Шуткиным пошли штрафовать завод по переработке вторичных драгоценных металлов. На «Волге» поехали. Меня с собой не взяли, а то я бы с удовольствием.

Вернулись они после обеда, я как раз пришла.

– Иди, подписывай протокол, – сказал Михаил Викторович.

– Подожди, дай ей хоть раздеться.

Ура, деньги будут!

Лепёхина, наверное, как сам Явлинский, в партии которого она чалится, хочет за пятьсот дней поднять экономику в одном доверенном ей Обществе охраны природы.

Опять Лепёшкина приходила. Села к нашему мышинному телефону с чёрными кнопками и давай в Москву по коду звонить!

Но быстро ушла.

– Сафронов всё не чешется, – злилась Лепёхина. – Я ему уже сказала: если в феврале денег не будет, то всё, ключи на стол!

– Ой, да, Галина Георгиевна! – кротко подхватила её дворовая девка. – Февраль, он же вообще...

– Вот сейчас счёт за коммуналку выставят, – стонала Лепёхина. – И за телефон. Это же телефон администрации рай-

она!

– Да, его всё время подслушивают по параллельному, не говорим ли мы плохо про мэра!

– Сыроежкин деньги им отправил, но они их не получили.

– Конечно, если Лепёшкина будет по коду звонить, то отключат!

– Но у неё нет телефона! – запричитала Лепёхина.

– Странно, что *у неё* нет телефона! Явлинский жмотничает?

– Так он же дорого стоит! А она сейчас – без работы!

Вот тупая сука! Я накосячила с телефоном – у меня сразу же ключи отобрали! Ещё скажут, что это я по межгороду звоню!

7 февраля 1999, воскресенье

– А Летиха твоя, что к тебе не ходит? – с издёвкой спросила мама.– Значит, мать внушила ей, что ты – плохая!

8 февраля 1999, понедельник

*Когда провалишься сквозь землю от стыда,
Иль поклянешься: «Провалиться мне на месте!»
Владимир Высоцкий,
«Марш Антиподов».*

В январе я была счастливым человеком. Каждый вечер, ложась спать, я радовалась тому, что наступит завтра, и мне надо будет идти на работу. А сейчас... эта травля...

Прихожу сегодня на работу, а там одно бабье: Лепёхина, Гончарова и Надежда Антоновна, фамилии не знаю, главный бухгалтер Общества садоводов и огородников. И Лепёшка Коровья подленько так рассказывает всю нашу подноготную, всю нашу «бухгалтерию». И не замечает за собой, что довольна своим положением!

– А заработать у вас никак не получалось? – деловито спрашивает соседка по этажу.

– Я составила протокол... составила ещё один протокол... но они у меня не прошли.

– А девочки бедненькие, сидят здесь, как птенчики!!! – заголосила баба.

Мне хотелось всех убить!!! И в первую очередь – садоводиху, а уж потом – Лепёхину. Сука-а!!! Суки-и!!!

Перед обедом мы с утра сидели все вчетвером, – Шуткин, Лепёхина, Гончарова и ваша покорная слуга, как тан-

ком вплыла Надежда Антоновна.

– Вы двести рублей не разменяете? – нагло, с издёвкой спросила она.

Немыслимые деньги! Больничная санитарка, гардеробщица получают в месяц меньше! В регистратуре – 83 рубля 49 копеек!

И все надменно промолчали. Мол, старая сука, тебе же обо всём сегодня доложили, какие размены крупных купюр?

– Значит, никто? – сделала «контрольный выстрел» бухгалтерша и надменно удалилась.

Это я зафиксировала во время перерыва, когда не обедаю, а просто отливаю в раковину немного жидкости из супа, чтобы мама не орала. А в два часа дня прихожу, у Лепёхиной – совещание. Как комнату в администрации получили, сразу к ней народ зачастил. И кому она нужна?

– Аля, – многозначительно сказала Лепёшка Коровья, – сегодня – *мой день*.

Это означало, что мне надо уйти.

А у Лепёхиной были жаркие, ну просто парламентские дебаты, и какая-то баба причитала:

– Должен же человек, ну, хоть что-то здесь получать!

Поскольку на работе делать абсолютно нечего, моё единственное занятие – снести вниз мусорную корзинку. Отходы всегда сухие и чистые. И сегодня я углядела там дневничок Алкашки, – три старые платёжки, исписанные её уродливым почерком, с грамматическими ошибками. Ни о каких знаках

препинания, выделении прямой речи Алкашка не имела ни малейшего понятия. Прочла – и на меня словно преисподняя дохнула. Жаль, что Лепёха не стала вникать в образ жизни своей любимицы.

Вклейка в дневник

Расписание (будние дни):

9.00 – завтрак.

10.00 – выхожу из дома на автобус.

11.00 – приезжаю.

13.00 – 14.00 – обед.

16.30 – уезжаю.

17.30 – приезжаю домой.

17.35 – ужин.

Дальше как получится.

Вариант 1: иду гулять.

Вариант 2: сижу дома, смотрю телевизор.

Выходные дни:

1-й вариант: сижу дома.

2-й вариант: иду на дискотеку.

3-й вариант: иду гулять. Время возвращения домой не известно.

«В эту субботу мы неплохо погуляли (22 августа 1998).

Утром позвонил Илья и сказал: приходишь на дискотеку. Я пришла в компанию в 19.30.

Потом мы с Танькой пошли к Андрею, но до него не до-

шли, так как встретили Сашку (Сифона) и Женьку (Уокера). Они пили пиво.

Мы решили скооперироваться вместе. Приехал Илья (мент), и мы пошли на дискотеку. Там было неплохо. Никита также присутствовал.

Правда, сначала мы с ним были в разных компаниях. Мы бухали на рядах чуть выше, а он сидел к нам ж... с какими-то девками чуть пониже.

Потом, после дискотеки, мы продолжили банкет в «Сказке». На соседней лавочке бухал Никита с компанией.

Сифон начал наезжать на Илью. Пришли Женька с Пашкой. У Женьки был с собой пистолет.

Я отвела Женьку в сторону и попросила, чтобы хотя бы он не лез в эту фигню.

Потом началось что-то страшное, и я убежала оттуда. Женька побежал за мной и стал успокаивать.

Мы вернулись минут через пятнадцать. Там сидел только Илья (ему выбили два зуба). Мы с Женькой пошли искать Таньку, Сашку и Илью. Таньку с Сашкой мы нашли в аллее, а Уокер пропал. Танька с Сашкой посреди дороги начали драться. Мы с Женькой не стали смотреть на семейные разборки и пошли. По дороге встретили Уокера и зашли в магазин. Вышли из него и встретили Никиту. Зашли в «Сказку». Мы там помирились с Никитой, посидели чуть-чуть и пошли домой».

Жуткие ошибки, убогая лексика.

9 февраля 1999, вторник

На работу сегодня не пошла, потому что Лепёхина всё равно меня бы выставила.

10 февраля 1999, среда

У Гончаровой, – Лепёшка Коровья зовёт её, словно крепостную дворовую девку, Олеськой, – сегодня день рождения. Она со мною не разговаривает, мне кажется, просто презирает, как я в своё время Алкашку. Но я пытаюсь наладить с ней отношения.

Открыточку для неё я купила ещё в прошлый вторник, когда на работу не смогла попасть. Открытки – шикарные! Сверкающие, переливающиеся! По десять рублей!

И вспомнилось, как мама сказала ещё на моё восемнадцатилетие:

– На почте такие открытки новогодние красивые! Я хотела тебе одну купить, а потом думаю: да зачем? Кому ты её будешь отправлять? У тебя же нет никого!

Ну почему, почему она так любит гадить мне (и своему мужу!) в душу! Как будто у неё самой кто-то есть! В октябре в Москве, на улице Касимовской, выбросилась из окна тринадцатилетняя девочка. Она оставила предсмертную записку, что с нею «никто не хочет общаться».

Как же я её понимаю! И со мной – тоже! Та же Олеся! И Римма меня терпит, я ей не нужна! Есть я, нет меня – всё равно.

Народу, тогда, как ни странно, не было, ведь с тех самых пор, как квартирную плату стали принимать в почтовых от-

делениях, там не протолкнуться.

Здесь трудится оператор Света Чашина. В этом жилом доме раньше находилась мамина работа, только со стороны улицы, покуда их в конце 80-х не вытеснило новорожденное учреждение – налоговая инспекция (в её создании принимал участие член ГКЧП Валентин Павлов). А теперь налоговики выдавили во двор и малюсенькое почтовое отделение.

Света Чашина всегда казалась мне очень молодой женщиной, хотя она работала здесь ещё десять лет назад! Сколько же ей лет?!!

Если в 80-е почтовых работниц отделяли от посетителей стеклянные перегородки, то теперь всё заколотили досками и застеклили, как лоджию. Ад для клаустрофобов.

Света весьма любезно спросила:

– Что вы хотели?

– Да я открытки смотрю... А во втором ряду сверху – 1.65 стоит?

– Да, если цена стоит на первой.

– А у вас найдётся сдача с пяти рублей?

– Конечно!

Вот какие у меня крупные монеты!

Олеся рано приходит, у неё же, в отличие от меня, теперь есть ключи.

– Привет.

– Привет.

Достаю из ежедневника открыточку, интригующе спря-

танную в двойной тетрадный лист.

– Что такое? Ой, спасибо!

Больше никто её не поздравил, да и ни один человек, кроме меня, и не знал об именинах, это просто я с детства дни рождения собираю. Да в ВООП такое и не принято. А после обеда Гончарова ушла, наверное, праздновать.

На меня чуть не упал колченогий шкаф!

Звонила сегодня Наташе, очень хорошо пообщались. Да что Наташа, даже с Лепёхой по душам поговорили!

– Аль, – просто как дочери, обратилась Галина Георгиевна, – ну, не могу я доверять Сафронову! Это помещение я у главы пробила, а он сидел и молчал! И лицензию он на себя сделал, а не на ВООП!

– Просто на организацию очень дорого.

– Аль, но всё равно надо было на ВООП! Понимаешь, это же я дала ему все телефоны чиновников, где бы он их взял! Справка-то теперь платная! И Людмила Ивановна, и Зернов отказались со мною общаться из-за того, что я взяла к себе Сафронова! Они же вместе работали, и знают, что он за человек!

И это меня насторожило. Да, он жадный. Трусливый. Нападает с природоохранными претензиями только на незащищенных женщин, как тогда в магазине «Электра плюс».

11 февраля 1999, четверг (ночь)

Сейчас я страшно напугана. У меня страшное подозрение насчёт моего здоровья. Ни с кем не могу посоветоваться. Боюсь всего. Боюсь двигаться. Боюсь дышать. Если раньше хотелось куда-то мчаться, то теперь страшно, вдруг сердце остановится. Не с кем поделиться. Все скажут одно: иди к врачу.

11 февраля 1999, четверг (вечер)

Сегодня с утра Шуткин принёс свою выдавшую виды трудовую книжку, аккуратно переплетённую в новую белую обложку. Михаил Викторович никаких записей там не сделал, но убрал её не просто в сейф, а в его внутреннее отделение!

И тогда я после обеда тоже предоставила свою трудовую книжку, и зампред также спрятал её в сейф. Свершилось! Ладно, почти свершилось! Уж не стал бы такой серьёзный пожилой человек, как Шуткин, просто так приносить документ, который, как и справка с кладбища, восстановлению не подлежит!

– Володь, готовь штатное расписание! – велел Михаил Викторович. – У тебя, Алина, скоро будет зарплата. Нам отдают машины для сбора мусора, и вагончики, где рабочие могут переодеться. Сформируем бригады... Будешь у нас теперь «оператором лопаты»!

Ах, вот как! Значит, дворовая девка остаётся в тепле, а меня – в прямом смысле на помойку!

Но я всё равно обрадовалась, решив, что в мусоре меня не закопают.

Во вторник мне почудилось, что у меня отказывает сердце. Просто стало тяжело дышать, и мне показалось, что оно у меня неправильно бьётся. И эти три дня я провела в лютом страхе.

А сегодня вечером просто легла на диван, и просила меня не беспокоить. Мама, естественно, с допросом, и я во всём призналась. Она долго смеялась, и авторитетно заявила, что сердце у меня, в отличие от её, здоровое, ритм правильный.

12 февраля 1999, пятница

Вот сейчас я пришла на обед, хотя обычно не обедаю. Мама оставляет мне жёлтый от морковки суп, а я его терпеть не могу.

Увидела в окно, как красный, как напившийся крови молодой клоп, автобус «ЛиАЗ» вернулся из Мальцева. Он же такая редкость!

Сегодня утром, как всегда, пришла на работу, и тупо села на своё место. Михаил Викторович и Владимир Викторович собирались куда-то в рейд. Я всё надеялась, что возьмут меня (а то деньги упущу), но не взяли. Михаил Викторович сказал ну просто по-отцовски:

– Не грусти.

И подмигнул.

У меня уже в лицо вросла эта грустная маска. А с чего мне веселиться?

Надеюсь, что они заработают денег. Только ведь меня в рейд не взяли, могут и не дать. На каком основании? Лепёхиной дадут, как самой главной, Олесе как самой образованной, а мне – ничего.

13 февраля 1999, суббота

То, что вчера случилось, в моей любимой газете «Завтра» называется «Социальный взрыв». Полоса такая есть.

А ещё там выходит рубрика «Русский хозяин», о национально ориентированных предпринимателях и директорах предприятий. Я всё мечтала: вот создадим нашу фирму, и я напишу в редакцию письмо, чтоб к нам корреспондента прислали: вот, есть у нас такой великий человек, Сафронов Михаил Викторович!

14 февраля 1999, воскресенье

Но едва он отодвинул дверь спальни, как оттуда навстречу ему высунулась змеиная голова.

Уэда Акинари,

«Распутство змеи»,

перевод Р. Зей и А. Стругацкого.

Итак, что было позавчера. Очень больно об этом писать, но проще, чем рассказывать.

А вдруг мама найдёт? Слишком страшны стали мои тайны, слишком.

Хорошо, что она не заставляет меня держать дверь открытой, как уже было однажды, чтобы посмотреть, что же я делаю.

Пишу донос на саму себя.

В пятницу, в начале третьего дня я пришла с обеда. С тех самых пор, как мы получили эту комнату, к нам зачастил народ, что давало надежду на деньги. С Лепёхой тепло прощался «приятный», как любит говорить моя мама, молодой человек. Высокий, с тёмными волосами.

– Кто это приходил, как его зовут? – оживилась я, раскрыв журнал.

Нет, не потому что он меня заинтересовал. Просто для меня появилась работа!

– Не знаю, – холодно ответила Лепёха. – Он из Райком-природы. Он вместе с Пришвиным работает.

– Хорошо. Тогда просто запишем, что «сотрудник Райкомприроды»...

– Алин, с тобой Сафронов говорил?

У меня все внутренности сжались. Но в Михаиле Викторовиче я уверена, как в самой себе.

– А о чём он должен был со мною говорить?

– Я снимаю с себя всякую ответственность! Ты мешаешь мне работать! Сейчас у нас здесь *работы нет!*

– Хорошенькое дело! Поездили на мне, попользовались вволю, а теперь стала не нужна! Отработанная порода! Разжалобили, использовали, выкинули!

– Ты – малограмотна, некомпетентна, грубо отвечаешь по телефону. Когда здесь будет работа, то мы тебя позовём, – уже ласково обещает Лепёхина.

Неужели такое могло произойти? Это невозможно, это страшный сон... И я достала из шерстяного кармашка своей новой модной туники на деревянных пуговичках вот уже как полтора месяца назад приготовленное, обеззараженное, чтобы не случилось нагноения, хранящееся в проспиртованном коме ваты лезвие «Восход». Я безобидно оттянула вниз светлый рукав, и тут случилось *незапланированное*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.